

Конфетти

Максим Букреев

Максим Букреев

Конфетти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70341658

SelfPub; 2024

Аннотация

Приключения молодого канцелярского служащего в царском новогоднем Петербурге. Тёплая праздничная атмосфера, занимательный сюжет, красота и точность каждой детали той эпохи – всё это не оставит равнодушным и ребёнка и взрослого, а стиль и слог повествования, вдохновлённые писателями того времени, создают непередаваемую атмосферу праздника. Молодой работник канцелярии Ганя получает распоряжение просить у некоего графа бумагу о передачи им поместья, которая по недосмотру потерялась где-то в архивах. В предпраздничный день Ганя навещает графа, который оказывается личностью очень неординарной, что втягивает героя в ещё большие приключения, помогая даже найти свою любовь.

Максим Букреев

Конфетти

Внезапно для себя самого Ганя почувствовал настоящую неприязнь ко всему происходящему вокруг. В этот предпраздничный день он бы хотел выпорхнуть из нанимаемой квартиры, и засмеяться над тем, как легко удалось избежать встречи с чудаковатой хозяйкой. Сбежать вниз, по сияющей от украшений лестнице, выскочить на заснеженную улицу и закашляться от долгожданного Декабрьского мороза. Хотелось, на полученные в конторе рублики пройтись по лавкам, что будто бы грибы после дождя появились в одну ночь, все вместе, и теперь украшают своим видом каждую площадь.

Увы, сейчас он спускался не за этим. Часу ещё в седьмом за ним прислали мальчишку, “Где ж они его нашли то”, который сообщил, что его требуют на службу спешно почти что сейчас же. Ганя спросонья еле разобрал, чего от него хотят, но мальчик выполнил всё, как ему велели: растолкал спящего господина, трижды объяснил, когда ему нужно явиться, на все вопросы скоро отвечал, что на месте всё и объяснят, и даже перед уходом поставил кипятиться самовар. Ганю не покидало теперь чувство своей никчёмности. Что за человек, которого совсем уж перед праздником поднимают с постели, когда даже солнце ещё не встало. Обращаются так панибратски, что даже какому-нибудь регистратору стало бы

обидно. Да и при чём тут регистратор, простому просвещённому человеку это вынести было бы сложно. Но приходилось подниматься. Раз устроили ему такого посыльного, значит и впрямь случилось что-то, требующие его присутствия.

В парадной была полнейшая темнота. Ламп в доме почти не жгли, а солнечного света в это время в Петербурге мог бы ожидать лишь умалишённый, но Ганя мысленно предъявил претензию "компетентным органам". Могли бы, мол, и подготовится к празднику. Наконец, спустившись, Ганя со злостью толкнул дверь и, оказался на улице, в одно мгновение чуть было, не завалившись от резкого порыва ветра. С трудом удержавшись, он сделал первый шаг, и тут же одной ногой, в недавно купленном белоснежном валенке, оказался в глубоком сугробе. "Это ещё, что такое. Дожили. Снег не чистят, парадные совсем уже забросили, а дом то хороший, приличный, от личного места моего в двух минутах, а..." Закончить свою мысль Гане не позволила тройка, неожиданно, с неистовым ржанием остановившаяся перед ним. Она была запряжена красивыми резными санями, да такими, что Ганя и диву дался, как за своими размышлениями забылся на столько, что их не заметил. Наконец мужчина, что лежал поодаль от извозчика придвинулся ближе к Гане, протянул руки к нему и завалил в сани, да с такою силою схватил, что Ганя, до глубины души поражённый, даже не подумал сопротивляться. Тройка тронулась, а бедный герой наш лежал и думал, как же ему в министерстве изви-

няться придётся, и чем он оправдываться будет, если в правду никто и не поверит, когда услышал прямо над ухом, бас своего столоначальника: “Ну не трясись, приехали уже”.

Дело, за которым вызвали Ганю, действительно не терпело отлагательств. Некая дама должна была прибыть в этот день за бумагами, на имение её отца. Бумаги по недосмотру подготовить не успели, что выяснилось лишь тогда, когда ответственный уже просматривал списки посетителей на предстоящий день. За несколько часов в ночи служащие собрали всё недостающее, и, по сути, от столоначальника требовалась лишь подпись, да и он совсем не по этому делу был тут, но для Гани, происшествие это представлялось настоящей катастрофой из-за того в частности, что ближе к утру выяснилось, что всё ещё недостаёт для этой барышни одной бумаги, зато самой ценной, без которой всё предприятие было бы совсем невозможным. Конечно, Все Архивы были уже обысканы, и сонные архивариусы нервно поглядывали на странных людей, что заявлялись к ним в 6, а то и в 5 утра. Наконец под утро, когда уже всякая надежда была потеряна, решились звать непосредственного начальника, то есть Ганю, для выяснения. И вот, по его прибытию, небольшим совещанием было установлено, что ему следует просить эту бумагу лично у прошлого хозяина поместья, (имени которого тоже никто не знал), а иначе дело совсем плохо. Ганя, то ли по душевной доброте, то ли из-за того, что от не выспавшихся служащих всё равно не было толку, согласился, и теперь уверенно шёл

к архиву для справки о бывшем владельце, всё ещё лелея надежду освободится как можно скорее.

Тем временем город цвёл. На удивление ночные тучи стали рассеиваться, прекратился снегопад и в десятом часу небо осветили первые лучи кроваво-красного восходящего солнца. Торопящиеся люди заполнили улочки, многие в предновогодней спешке поскользнулись и падали, кто-то пел, а кто-то шёл совсем хмурый. Ганя быстро влился в этот редкий, но быстрый поток масс, и так же мгновенно освоился в нём. За годы службы он уже привык к этому ритму жизни, и, хотя сегодня многие были уже не на службе и могли позволить себе шаг медленнее в среднем на пол такта, он всё равно уверенно лавировал среди незадачливых прохожих или наоборот пристраивался прямо за спинами наиболее шустрых. Благодаря такой выучке и привычке вскоре он уже миновал Чернышев мост и оказался на площади, носящий тоже имя. Тут, однако же, ему пришлось задержаться, и случилось это даже не по причине того, что почти каждый, кто попадал в это сказочное место сразу же, останавливался, как вкопанный и почитал своим долгом простоять так хотя бы несколько минут, раскрыв глаза от удивления, но и из-за того, что пропустить этот обычай просто не представлялось возможным.

Площадь сияла. Сияла во всех смыслах слова. С одной её стороны, в небо, бил невообразимый фонтан искр. Механизм, который был предназначен для развлечения высших

особ, видимо, сработал раньше времени и теперь, на потеху толпе тысячи огоньков разлетались в разные стороны, складываясь при этом в причудливые узоры. Толпа ликовала, без какой-либо возможности понять, откуда взялось это чудо, некоторые списывали его на бога, кто-то на волшебство, а самые начитанные, на механизмы, но несмотря на разногласия, каждый наблюдал за диковинкой с широко открытым от удивления ртом. И когда последние снопы искр потухли на снегу, гул толпы вновь вознёсся над площадью и заглушил все остальные звуки города. На противоположном конце площади стояли те самые новогодние лавки, покрытые восхитительными гирляндами, горящими золотом. Невероятная прорва людей толпилась вокруг. Ганя работал в министерстве уже давно и часто бывал на этой площади, случилось и на праздники, но такое столпотворение здесь он видел впервые. Кто-то покупал, кто-то продавал, им было совершенно неважно, находится ли кто-то из двух вышеперечисленных за прилавком или нет. Торговали всем, коровами, домами, векселями, новогодним товаром – ёлками. Всё летело под одну гребёнку и без разбора покупалось и продавалось, сопровождаемое обязательным атрибутом – громкими выкриками.

Обогнув высокую ель, что располагалась в самом центре площади Ганя всё же смог вырваться на свободу проспекта, хотя и обнаружил у себя в руке непонятно откуда взявшуюся ёлочную игрушку. Он осмотрел её с большим недоверием.

Синяя, круглая, с нарисованными сугробами и снежинками и с белой лошадкой, с развивающейся на ветру гривой. Игрушка была хороша, но Ганя осёкся, ведь у него дома и ёлки то не стояло. Хозяйка уходила отмечать к подругам или соседкам, а ему самому обычно больше хотелось выспаться, чем тратить своё время непонятно на что. Всё же он положил игрушку в карман:” Пригодится”.

Наконец небо совсем прояснилось, когда Ганя на нанятых санках подъехал к зимней резиденции графа. По правде говоря, это был лишь богатый дом, украшенный по последнему слову столичной моды: в небольшом садике возвышалась ель, которая была увешана всяческими игрушками, шариками и конфетами, фасад здания был украшен гирляндами, а апофеозом была огромная надпись “С новым годом”, состоящая из больших букв, подвешенных над парадным входом. У входа этого, кстати говоря, происходило некое движение. Там стояло несколько возков и из них то и дело вынимались кое-какие вещи и их с поспешностью заносили внутрь. Когда Ганя только подошёл к ограде, первый возок уже уехал. Теперь же тронулся и второй и когда он совсем отошёл Ганя осознал, что стоит и смотрит на неизвестного ему человека, что в той же позе, коей и он сам стоял с другой стороны от возка, а теперь смотрит прямо так же и на самого Ганю.

– Здравствуйте, сударь. Чем могу быть полезен? – начал незнакомец, явственно осознавая комичность ситуации и от того улыбаясь во все зубы.

– Здравствуйте. Вы не могли бы подсказать, возможно ли мне встретится с графом К.? – оторопело спросил Ганя.

– От чего же нет, – ответил встречающий и, махнув рукой, попросил следовать за ним. – Милости просим.

Как только Ганя зашёл в помещение незнакомец закрыл за ним двери и произнёс:

– Вашу шинель можете положить на ящик, прямо подле вас и проходите, проходите скорее.

Послушавшись его, Ганя аккуратно положил форменную шинель и двинулся вглубь огромного помещения, что видимо, служило главной залой и занимало большую часть дома. На несколько мгновений он потерял из вида своего провожатого, но тот проворно вынырнул из-за ближайшего шкафа, с мишурой на шее, подкинул её кончики в воздух засмеялся и сказал:

– Ну что же, будем знакомиться, Граф К.– граф протянул руку.

– Титулярный советник-с, Гавриил Фёдоров. – Ганя вытянулся, опустил руки по швам, но быстро сообразил, что от него ждут совсем другого обращения и пожал протянутую руку, столь крепко, насколько мог.

– Хорош – граф довольно ухмыльнулся. – Ну, рассказывай, Гавриил, зачем пришёл?

– Я, собственно-с, за бумажкой одной, на ваше поместье в Ростове, от которого вы отказали-с.

– Так, что за бумажка?

– Как раз выше заверение, о том, что вы отказались-с.

Граф хмыкнул задумавшись.

– Хорошо, напишу я тебе бумажку, но – повисла пауза. –

Как ты видишь, мы переезжаем, и к празднику готовимся, так помоги, брат совсем чуть-чуть, а взамен приглашу тебя на это самое празднование. Идёт?

И мог ли бедный Ганя отказать Графу? Он прекрасно понимал, что у него и так уж немного времени в запасе, и, что это уж может быть и унизительно в его-то чине работать тут, но граф был так дружелюбен и, казалось, правдив, что отказ решительно не могло бы последовать, и Ганя кивнул.

– Ну, так за дело – радостно вскричал граф, и принялся кружить Ганю и всю мебель вокруг.

Всего здесь было вдоволь. Коробки стояли там и тут, по всему помещению, какие-то шкафы, причудливой формы, тумбы, и даже чуть ли не бочки. Когда передвинули мебель, при помощи подошедших слуг, граф подвёл Ганю к стройному ряду коробов.

– А тут моё сокровище, – восхищённо прошептал он и начал открывать все по очереди. Ганя заглядывал через плечо и всё не мог надивиться происходящему. Игрушки, гирлянды, шары, мишура, тут было всё, на любой вкус и цвет. Красное, жёлтое, фиолетовое, голубое, чёрное или белое, всего было предостаточно и даже много. Вскоре и сам Ганя покрывлся слоем блёсток и, видимо, переняв это от Графа, стал бегать и смеяться, совсем как делают это дети или пьяницы.

И слуги заулыбались, и день стал ещё светлее и ель, огромная ель, которую они на силу втащили внутрь, стала приобретать форму и очертания роскошного и богато украшенного дерева. Хлопали хлопущки, конечно, раньше времени, но благо их было так много, что хватило бы ещё на долгие годы вперёд, ревела не весть, откуда взявшаяся музыка. Это было похоже на праздник, и это и был праздник, да, пускай не для всех, но кто сказал, что так нельзя проводить время. Наконец граф уже весь красный присел на тумбу в углу зала, всё было сделано и осталось лишь прибраться. Граф беглым взглядом осмотрел помещение и, протянув “Хорошо”, посмотрел на Ганю. В этот момент он будто бы опомнился, улыбнулся:

–Так, ну а теперь бумага. – и с этими словами он удалился.

Ганя опомнился. Уже наверняка был час, а может и два и в министерстве, может, уже рвут и мечут. Теперь, скорее всего, отдувается столоничальник, краснея своим большим престарелым лицом, и заглядывая в глаза этой барышне своими вечно грустными глазами. Что же, если вовремя не успеть, то и сильно торопиться уже не стоит, все и так получают по заслугам.

Спустя 10 минут Ганя понял, что ждать Графа больше не может.

“Теперь к графу и бегом в министерство, и так, сколько уже провозился, а теперь ещё и задерживают.” – подумал он на ходу, спускаясь на первый этаж в поисках кабинета К.

С самого порога он хотел было сказать, что ему необходи-

мо уходить, но тут услышал голоса, понял, что граф не один, но уже не сумел остановиться и с разгона влетел в кабинет. Граф обернулся, но не подал виду, лишь снова одарил Ганю любезной улыбкой. В это же время спутница графа, что стояла подле него выразила своё удивление восклицанием.

– Да как вы смеете? – вскрикнула она, и брови её сами собой чуть приподнялись.

– Извините, я случайно-с, – только и успел вымолвить Ганя. Повисло молчание, и теперь, когда граф осознал, что без знакомства не обойтись представил их друг другу.

– Ольга Кирилловна, дочь моего уважаемого друга Кирилла Александровича Грушина. А это Гавриил... – тут граф умолк, и Ганя воспользовался этим, поборов смущение:

– Титулярный Советник, Гаврила Фёдорович Куликов.

– То есть Ганя? – оборвала девушка с усмешкой. Ганя действительно был Ганей и противиться этому не мог.

– Да-с. – он устоял в пол, девушка хихикнула.

– Ну ладно, – прервал её граф, – так с чем же ты ко мне?

– Представляешь, какое со мной случилось приключение. Я забирала документы на твоё бывшее поместье, когда мне внезапно сообщили, что ...

– Одной бумаги не хватает. – докончил за неё Граф.

– Именно, а откуда ты ... – граф сделал ей знак рукой, подзвал Ганю.

– Вот вам бумага, которой вам так не достаёт, надеюсь у вас не появится нужды отнести её в министерство?

– Ни появится – заверил Ганя – Я лишь распишусь и... – он взял перо из рук графа, размашисто расписался. – и передам её по требованию, – он протянул бумагу Ольге Кирилловне.

– Так вот какой он, тот самый провинившийся сотрудник, – она снова усмехнулась и взяла бумагу из Ганиных рук.

– Ничего подобного, самый усердный труженик на свете, именно с ним мы нарядили зал. – Уверенно возразил граф.

– То есть он тот самый почтенный господин, которого ты так расхваливал? – с явно наигранным удивлением Ольга окинула Ганю взглядом.

– Именно, но теперь ему пора – всё же не выдержал Граф.

– Была рада с вами увидеться, и наконец закончить своё дело. – она иронично улыбнулась. – До свидания, Ганя.

– До свидания.

Граф довёл его до парадного входа, чуть ли не толкая в спину, там вновь пожал руку.

– Она чуть-чуть капризная, но не почитайте это за дерзость.

– Даже не собирался. Простите, если это окажется лишним, но ведь она само очарование. – Ганя долго собирался на эту фразу, и теперь жалел, что произнёс её не при Ольге. Тем не менее, граф улыбнулся.

– Полностью с вами согласен, и рад, что вы так считаете, ну а сейчас прощайте. И не забудьте, в девять я жду вас тут, если вас не задержит служба.

– Ни в коем случае не задержит. Премного благодарен за

приглашение и постараюсь быть. До свидания.

Когда Ганя вышел за ограду дома от него валил пар. Казалось, что он сейчас сторит, и ровно невозможно было понять, не залезая в его голову от чего, от ревности, горя, разочарования, радости или ещё каких-нибудь чувств, но на самом деле Ганя сторал от любви, и от того, как эта самая любовь с ним обошлась.

А Ольга и впрямь была прекрасна. Черноброва и черноглаза. Её каштановые волосы, мягкие даже на взгляд, волнами падали на узенькие плечи. Ростом она была с графа, и стройная фигура её вызывала восхищение непомерное, конечно же не только у одного Гани. Всё же самой очаровательной чертой казалась её улыбка. Она и не открывала рта, а уголки её губ так поднимались, что по ним точнее всего можно предсказать и судьбу того, кому эта улыбка предназначалась и наверняка судьбу целого мира. Но кто в такие моменты обращает внимание на губы?

Пока изображение Ольги всё ещё оставалось в его памяти, Ганя поспешил назад, в центр города. Теперь у него родились точные намерения, чем занять своё время, остававшееся до вечера. Во-первых, и в основных, он решил употребить большую часть своего капитала на то, чтобы произвести самое благоприятнейшее впечатление на общество, в котором ему предстояло оказаться. Он был так в этом уверен, что совсем потерял из виду то, что плюнул бы на всё общество и готов был сделать всё что угодно для одной только Ольги.

Эта мысль догнала его лишь, когда Ганя остановился перед ателье, называть которое сейчас было бы просто-на просто не этично.

Ателье это, известное всему Петербургу располагалось в громадном доме и занимало четыре полных этажа. На двух верхних шёл пошив одежды на заказ, там денно и нощно работали швеи по несколько дней за раз, только чтобы успеть угодить той барышне или тому господину. На втором этаже располагались кассы и обмерочные, а на первом, куда сквозь громадные двери вошёл Ганя, располагалось, что-то вроде выставки, где посетители могли отметить продукцию, или купить себе что ни будь, не слишком дорогое, но невероятно модное.

Такие места Ганя посещал не часто и теперь, под новый год, впервые оказавшись именно в этой Мекке Петербургской моды, остановился, как и на площади в неопишемом удивлении и восхищении. И хотя уже через пару неловких мгновений, он взял себя в руки и с невозмутимым лицом начал оглаживать представленные произведения (иначе, как произведения это назвать невозможно), у него всё же потемнело в глазах, и закружилась голова, так всё вокруг было ярко и пестро. Платья с блёстками, отражавшими свет сотни ламп, или без блёсток, увешенные различными звенящими и диковинными фигурами или простые однотонные, но всё же на любой фасон. Не следовало бы даже говорить о цвете, однако такое обилие различных сочетаний всего со всем, да-

же совершенно, казалось бы, не сочетающихся вещей, было просто поразительно и невыносимо. Под давлением такого разнообразия Ганя пришёл в ужас и в ужасе в этом поспешил в мужской отдел, надеясь хоть там успокоится, но не тут-то было. Костюмы, явление с которым Ганя был знаком и даже дружен и те оказались предателями. Фраки и жилеты переливались в глазах, успевая принять на себя все цвета радуги. Гениальности рисунков на одежде и той не было предела, можно было даже сделать вывод, что дизайнеры и есть настоящие художники современности, а всякие живописцы лишь их робкие ученики.

Наконец на глаза Гане попался отдел с самыми модными костюмами чёрного цвета. Он стоял особняком, у самых окон, заманивая искушённого зрителя. В этом отделе волю в цветах могли выразить лишь галстуки, а все остальные предметы гардероба являлись пренебреженно чёрными, при том на столько, что от эдакого готического вида, к одежде невольно просыпалось уважение, за её степенность и вдумчивость. Лишь тут Ганя смог перевести дух. Теперь, не обращившись на остальной зал он пристально рассматривал различные сюртуки и брюки и даже не столько что бы определить вид, к примеру их покроя, а что бы найти хоть некоторое отличие в них. Внезапно чуть позади него раздалось вежливое покашливание. Ганя обернулся и сразу отпрянул чуть в сторону. На него смотрели добрые глаза седобородого господина, что стоял рядом с продавцом, лицо коего вы-

ражало явное неудовольствие. Продавец протиснулся между ними к прилавку, где был выставлен один из многих костюмов, в то время как господин протянул Гане руку.

– Извините за вмешательство – произнёс он добрым и даже примирительным басистым голосом. – Моей жене срочно понадобилось выйти в свет, и вот Будем знакомы, Алексей Новгородцев.

– Конечно –с, – разумеется Ганя тут же пожал руку в ответ, он не был уверен в знатном происхождении нового знакомого, однако в месте, где они встретились, можно было ожидать решительно кого угодно. – Гаврила Куликов, очень приятно.

Повисла пауза, но чуть погодя, пока продавец всё ещё разбирался в витрине, Новгородцев всё же произнёс:

– Не хорошее у меня от этого места ощущения. – признался он и Ганя, у которого и впрямь всё ещё болело в висках согласился.

– У меня точно такие же, но всё же тут самый большой выбор, да и всё самое, что ни на есть свежее-с.

– Тут, вы, безусловно, правы, – вздохнул Новгородцев.

Через время, вдоволь насытившись местом, Ганя шагал по заснеженному дворику модного дома с заметно ухудшившимся настроением. Купить ничего не получилось, и услужливым тоном произнесённая фраза: “На вашу фигуру не каждый портной ещё сошьёт нужное...”, стала для Гани настоящим оскорблением. Он прекрасно осознавал, что не был

ни толстым, ни худым, но что же в нём всё-таки не так, понять никак не мог. Наконец, выскочив вновь на зимний воздух этот вздор, выветрился из его головы, и хотя уже без настроения он зашагал домой.

В этот момент, когда Ганя уже собирался, покинув парк, наконец, оказаться на оживленной улице, полной простых людей, он заметил экипаж и его недавнего знакомого Новгородцева, быстрым шагом к нему направлявшегося. Транспорт у него стоит заметить был роскошный, голубой с белым, и графскими коронами по бокам. "Эге, так вот, что это за птица" подумалось Гане. "Как много за сегодня графьёв, поуродилось". (Хотя суждения эти и были поспешными, как станет видно позднее, новый знакомый Гани действительно был человек важный и чина высокого, хоть никогда им и не гордящимся.) Ганя уже хотел было отвести взгляд, когда внезапно, фигура Новгородцева остановилась. К ней приблизилась другая, активно жестикулируя руками, и по догадке Гани, просящая о помощи. Новгородцев ни секунды не мешкая, тут же кинулся, куда его просили, и второй человек последовал за ним лишь с небольшим промедлением. Теперь Ганя был предоставлен полностью себе, и мог бы с лёгкостью убежать, или просто уйти, сделав вид, что ничего не произошло, но уж очень странной показалось ему поведение просящего о помощи, и очень уж понравился граф, своей добротой, и источаемым теплом, что он мигом кинулся следом. Дорога вела в какую-то тёмную подворотню, на дру-

гой стороне которой виделась Нева. В закатном солнце она была столь красива и чудна, что Ганя замедлил шаг, и при-смотрелся, стараясь уловить каждую деталь. Что-то было в этом необычайное. Поверхность воды, то ли льда, отражавшая оранжевые лучи, которые снизу вверх освещали переулочек. Две тёмных фигуры, удаляющиеся туда, в это зарево, и вдруг совсем исчезающие из вида. Ганя видел в этом какой-то шарм, какое-то искусство, что ни смог бы передать, ни художник К., ни, наверное, все лучшие художники современности, и только природа, она одна писала красками, которым не было равных. Наконец Ганя вышел из оцепенения и пошёл, но теперь именно пошёл, а не побежал туда, где пару мгновений, таких ценных мгновений назад пропал Граф и его провожатый.

Подойдя к лестнице, что вела вниз, к реке, Ганя увидел странную картину, немую для него сцену, какого-то старого забытого детектива. Граф, (следуя догадкам Гани, следует пока что называть его именно так), стоял, чуть приподняв руки и присев. В двух шагах от него возвышался мужчина, обладатель того самого силуэта, Ганя безошибочно узнал его, с пистолетом, направленным на графа. В другой руке грабитель держал кошелёк графа, и старался не выпускать его из виду. За спиной у графа стоял другой человек, которого Ганя ещё не встречал. Он, в отличие от обладателя пистолета, был явно не уверен во всём происходящем, его вытянутые руки, готовые в любую секунду лечь на шею графа тряслись, при

том так сильно, что это заметил и наш безмолвный наблюдатель, хотя находился на порядочном расстоянии от них. В этот момент раздался выкрик: "Прыгай», и человек с пистолетом, явно разозлившийся сделал шаг к графу, и чуть ли не ткнул ему в лицо своим оружием. От удивления и испуга Ганя не знал, что делать, но быстро смог совладать с собой, и кинулся вниз по той лестнице, что выходила к реке за спиной главного вора, стараясь всё же оставаться незамеченным по мере возможности. "Что же делать, что же делать?" крутилось у него в голове. Пока он спускался, мужчина с пистолетом начал нервничать ещё больше.

– Прыгай же, прыгай – всё кричал он.

” Куда?” и лишь теперь, Ганя вспомнил, что, спускаясь, заметил вырезанную во льду прорубь, рядом с тем местом, где стоял теперь граф. Высунувшись, наконец, из своего укрытия Ганя увидел его стоящего на коленях, и в глазах его читалась теперь совсем не доброта, а полнейшая растерянность и чуть ли не слёзы стояли в них. Времени на раздумья почти, что не было. Грабитель, что был с пистолетом, и, по-видимому, главным, уже схватил графа за воротник, и тут Ганя решился на отчаянную меру. Он стремглав оказался самым центре событий, а точнее за спиной у нападавшего и отвёл его руку с пистолетом вверх. Прогремел выстрел. Не выдержав, Ганя неосторожно толкнул грабителя, пытавшегося освободиться, да так, что тот оказался в проруби сам, выронив пистолет прямо у Ганиных ног. Ганя не растерялся те-

перь, и, схватив оружие, направил его на второго грабителя, через плечо графа.

– Что стал, беги за помощью – с непонятно откуда взявшейся грубостью и нажимом в голосе проговорил он. Преступник побежал, а Ганя поднял графа с колен и так как тот ничего не мог вымолвить, а лишь глотал воздух, повёл его к экипажу и только там, граф набравшись уверенности, попросил слуг сходить справиться, вытащили ли человек из проруби. Это принесло слугам не мало удивления, и когда Ганя поднялся в экипаж вслед за графом, они уже бегом возвращались.

– Вытащили. При нас вытащили. На силу живой батюшка.

– Ну и славно, – басом, но в то же время одними губами произнёс граф. – А теперь ходу. Всё задрожало вокруг, и экипаж двинулся.

– Что же, что же это было, – воскликнул Граф, после затянувшегося молчания.

– Вас хотели ограбить и убить – Ганя старался преподнести это как можно проще. – Нормальная вещь, для нашего времени. – Генерал усмехнулся, сквозь свою седую бороду, совсем грустно усмехнулся.

– А вы, получается, меня спасли?

В ответ Ганя лишь кивнул. Ему не хотелось просить каких-то благ для себя, ему не хотелось превозносить свои заслуги, он просто ужасно устал теперь, и хотел побыстрее попасть домой, и возможно даже выспаться перед приёмом. Ге-

нерал будто бы прочитал его мысли.

– Давайте я довезу вас до дома, или куда вам теперь надо? Я должен бы быть вам благодарен, и извините, у меня на это теперь совсем не осталось возможности.

– Сейчас домой, потом к К. – меланхолично думал Ганя, случайно и проговорив это.

– К К.? Вы тоже приглашены на вечер? – Граф сказал это без малейшего удивления, лишь его седая бровь чуть приподнялась.

– Да-да, – Ганя смутился и не нашёл больше слов. Могло ведь показаться, что он рассказал об этом специально, но графу такая мысль и не могла прийти в голову.

– Как тесен мир. Что же, тогда поедемте вместе, мне решительно некуда теперь податься. Мои билеты на утренний поезд в кармане, а из отеля я уже выехал. Жена у подруги и можно было бы туда, но... – и он взглядом дал понять Гане, как не хотелось бы ему туда являться.

– Можем выпить чаю у меня, если вам будет угодно, ещё всё-таки рано.

Граф посмотрел на часы, утвердительно кивнул головой.

– Что ж, тогда едемте. Я очень рад вашей компании, – добавил он. – давайте и впредь останемся без званий и почестей, если вам угодно, вы мне сегодня жизнь всё-таки спасли.

– Конечно, улыбнулся Ганя, очень вам благодарен.

Теперь только, когда экипаж подъехал к его парадному крыльцу Ганя растерялся. Он вспомнил, каким оставлял

своё жилище, и если в квартире хозяйка безусловно навела порядок, то сама парадная.... Тёмная и сырая.... Они же просто приведут Графа в шок, и хотя скорее всего он к простым местам привычен, да и большая, ни по должности квартира Гани, не уступает отельным номерам, то подниматься по ступенькам этой парадной.... "Глаза ему что ли завязать" подумалось Гане вдруг. Он сам усмехнулся своей мысли, и граф, выходя из экипажа это заметил, и вопросительно на него посмотрел.

– Не судите нас строго, в парадной собирается быть ремонт – пришлось врать Гане, – так что сейчас там совсем кавардак.

– Ничего, ничего. Мне бы только добраться до места, где можно чуток передохнуть.

Ганя открыл дверь, пустив Графа вперёд, и сам юркнул за ним.

Вот уже, какой раз за этот день перед его глазами возникало чудо. Пожалуй, это всё же было самое приятное из всех после появления Ольги, Ганя боялся реакции Графа, но теперь..... Граф и сам видно к такому был не готов, и с удивлением и усмешкой на лице посмотрел на Ганю.

– Да уж, ремонт предстоит славный.

Ганя засмеялся, граф тоже и оба они пошли вверх по лестнице, осматривая открывшуюся картину.

В отличие от утра, теперь в парадной всё было по высшему разряду. Лампы и свечи стояли везде, где только это

представлялось возможным. Они горели и освещали лестницу пляской языков пламени так красочно, так весело. Мишура была развешана по перилам, на лестничных площадках стояли небольшие украшенные ёлки, и на каждой верхушке красовалась золотая пика. Всё вокруг горело, сияло, радовало. Чистые, будто бы персидские ковры, расстилались у них под ногами, и Ганя решительно не мог теперь узнать места, которое лишь утром ввергло его в уныние. От вида такого и от неожиданности, что он испытал к Графу сразу же, вернулись эмоции, они с Ганей разговорились, и в квартиру его ввалились уже настоящими друзьями заливаясь смехом и подшучивая над друг другом нещадно.

Именно теперь, за разговором и за чаем он признался, что экипаж этот он нанимает лишь когда приезжает в столицу, а сам по долгу службы сейчас должен бы находиться далеко отсюда, однако же дела семейные в столице и вот ему самому пришлось приехать, да граф К. попросил его очень присутствовать на празднике. Графу отказать Новгородцев счёл невозможным, так ещё заметил, что племянница очень просила об его присутствии, так вот теперь и приходится “Ни с корабля на бал, но с бала да прямо в поезд”. Из разговоров этих Ганя понял, что перед ним никто иной по званию, как генерал, и хотел было начать говорить более уважительно, но и сам генерал (теперь Ганя про себя называл его именно так), такого обращения не желал, да и вёл себя не соответствующе, так что этот порыв вскоре был позабыт. Хозяйка очень

посещению была рада и, уходя Новгородцев сделал ей даже комплимент, за то, как она квартиру содержит, от которого хозяйка уж совсем покраснела, усмехнулась и, попрощавшись пошла в свою комнату уже счастливая окончательно.

Теперь же экипаж нёсся по петербургским улицам и Ганя с Генералом, при полном параде и оба весёлые, предвкушали уже роскошный приём. До того, как наконец попасть к Графу генерал всё же встретил свою супругу, и представив Ганю пересказал кратко историю, что приключилась ним на Неве. Подруга жены его, которая так же присутствовала при рассказе казалось, с каждой новой подробностью всего вероятнее упадёт в обморок, а потому про многое генерал умолчал, но рассказ и без того произвёл впечатление сильное и жена генерала, Мария Ильинична благодарила Ганю от всей души и чуть-чуть не расплакалась. Наконец все были в сборе, экипаж, промчавшись ещё приличное расстояние начал ехать совсем медленно, и в конце концов совсем остановился прямо напротив парадного крыльца дома графа К., откуда Ганя вышел, казалось ещё совсем недавно.

Наконец, пока генерал с женой покидали салон экипажа, а Ганя стоял уже на улице их ожидая, у него в голове пронёсся весь этот безумный день. И разочарование, и страх утром, и холодный архив, и наконец, граф, который впечатление производил на Ганю, невозможное, и Ольга... впрочем, тут Ганя себя остановил. Ольга была предметом неизведанным и неизвестным, и мечтать о ней, было уже совсем

глупо, особенно теперь. Вспомнил Ганя и про муки выбора в доме моды, и про встречу с генералом, который теперь стоял рядом.... Всё это в один день, а ведь это ещё даже не новогодний день, а что будет завтра....

Из размышлений его вывел, наконец, дворецкий, с неизменным выражением лица открыв двери, и поприветствовав чету генерала Новгородцева. Сам генерал посмотрел на Ганю с усмешкой, как бы давая знать, что расстроен, что всё-таки положение его теперь открыто, но Ганя, так же взглядом показал, что был в курсе, и ничего необычно в этом не видит. Наконец к ним подошёл сам Граф К.

– Рад вас видеть – он раскланялся с генералом и генеральшей. – Не представляете, мы уже всё знаем, и это ужасно генерал, надеюсь с вами и впрямь всё хорошо.

– Как, – удивлению генерала теперь не было предела, – неужели и правда, так быстро разносятся слухи?

– Да, удивительно быстро, и – он подошёл, пожал руку Гане и по отечески обнял его – слухи о том что этот молодой человек спас вас героически, тоже долетели, хоть и с некоторым опозданием. – он усмехнулся.

– Ну что же, как раз этим я полностью удовлетворён, – заметил генерал, – если бы не Гаврила Фёдорович, быть может, мы бы не общались с вами так налегке.

За разговором они переместились в ту самую огромную залу, в которой теперь было множество разного народа. Тут Ганя заметил и некоторых своих знакомых, и знатных фами-

лий, упоминания о которых только в газетах и можно было увидеть. Всё сияло и пестрело. Были тут и военные, и гражданские, и дамы в своих всевозможных платьях, и даже юные совсем ещё леди и мальчики, с вежливым улыбками, снующими, в различных направлениях. Всё гудело и шумело, и когда вошёл Граф с генералом то все будто бы притихли на секунду, но тут гул поднялся опять да такой...

Много кто подходил в тот вечер к генералу, справлялся о его здоровье, и о чудесном спасении. Много кто поздравлял Ганю, и даже непонятно было ещё с чем, но наконец к нему порвался его столоначальник и радостно объявил, что ему пожалуют коллежского асессора "А то" – заговорщицки прошептал он "И того выше бери". Ганя рассмеялся и пожал руку столоначальника. Всё-таки было что то, невообразимо прекрасно быть героем на празднике. Скольких персон, значимых и не очень ему представили в этот день, сколько поздравлений и пожеланий ему сыпалось, а уж как на него смотрели некоторые дамы.... Когда Ганя вновь встретился с генералом у них состоялся небольшой разговор.

– Да уж и такое тут событие сделали из вашего спасения, уж извините за нескромность – засмеялся Ганя, но генерал поддержал.

– И не говорите. Но всё-таки я даже рад, что всё именно этим вышло, а не чем ещё.... Неприятным. – он похлопал Ганю по плечу. – Так ещё и кажется, вам это поможет по службе, не так ли?

– Однако же я думал, это всё произошло при вашем участии... – растерялся Ганя.

– Мне бы очень хотелось, чтобы так, но весь вечер до настоящего момента я был с вами, вы бы заметили или услышали.

– Тогда я решительно сбит с толку. Можно разве что предположить, что это слухи всего лишь, но мне об этом доложил мой непосредственный начальник, человек на слухи не падкий, а уж если и вы в курсе.

– Может и слухи, но, если у нас что-то эдакое в столице происходит, на него реакция всегда быстрая. А в этом случае не только быстрая, но и правильная, а...

Он не успел закончить, ведь на него тут же с криком "Дядюшка", на кинулась молодая особа в прекрасном, абрикосового цвета платье. Ганя сначала глупо улыбался, потом хотел отойти, но внезапно осознал, что это Ольга. Та самая Ольга, которая всего несколько чалов назад, так гневно, и даже грубо с ним обращалась, теперь племянница генерала, так ещё и в самом что ни на есть весёлом расположении, висит у генерала на шее. Наконец, когда она вновь опустилась на паркет, поприветствовала генеральшу, и тут же прошебетала:

– Я уже наслышана, мне представляешь ли, сначала доложили просто, мол исчез, я было в обморок, но тут же прибегают и докладывают, что спасён, что даже к жандармам не обратился, а просто скрылся, и непонятно куда...

– Ну хоть ты не начинай – перебил её генерал. – Я об этом

обо всем тоже наслышан, и совсем не желаю теперь вспоминать вновь. – при этих словах Ольга приутихла.

– Вот лучше познакомься, – продолжил он, – мой спаситель, Гаврила Фёдорович Куликов. – Ольга повернулась к нему, протянула руку и хихикнула.

– Титулярный Советник-с, Гаврила Фёдорович, вы ли это? – теперь была очередь Гани глянуть на генерала с улыбкой, но тот рассмеялся.

– Дааа, а знакомства у вас тут в Петербурге заводятся быстро. И всё-таки, Ольга, мы с Гаврилой Фёдоровичем договорились без званий, так что попрошу и тебя соблюдать нашу договорённость.

– Хорошо, хорошо, – она свернула Гане глазками и, развернувшись, убежала.

– Ну что за маленькое чудо – вымолвил генерал посмеиваясь. – Когда же вы уже успели познакомиться.

– Давеча – отвечал Ганя с улыбкой, вспоминая этот сладкий момент, – я заходил к Графу за бумагой, которую принужден был передать ей, а она приехала сюда же.

– Что за бумага, если это не служебная тайна?

– Наверняка нет, то бумага на поместье её отца в Ростове. Вернее, на казённое поместье, которое теперь они могут занять.

– Ах, да, наслышан. Ведь знаете – нарочито задумчиво начал генерал – её отец, и мой брат, тоже человек служивый, и хоть ещё не в том чине что и я, всё же всё возможности

на то имеет. – Он улыбнулся Гане, у которого покраснели кончики ушей. Генерал улыбнулся ещё шире, погладил себя по бороде, а Ганя не знал теперь, куда ему деться.

Неожиданно к ним подошёл художник Графа, который взяв под руку Ганю, ловко попросил у генерала прощения и отвёл удивлённого таким обращением титулярного советника в сторону, в самую глубь толпы. Он пробирался, пританцовывая, и в своём красном, забавном костюме, выглядел совсем как персонаж, какой-нибудь английской или немецкой сказки. Наконец они выбрались на свободное место около лестницы, взбежали по ней, и пошли по коридору, который, по воспоминаниям Гани, вёл в мастерскую.

–Куда мы идём? – он всё же решил поинтересоваться. Художник что-то напевал и, кажется, совсем не собирался отвечать. Ганя усмехнулся. "Что за человек, вечно о своём". Всё же, Гане пришлось признать, что он ошибся, подозревая художника в тривиальности, мастерскую они быстро миновали, зашли в какое-то маленькое помещение, в котором Гане была вручена тёплая шуба, и он послушно в неё влез. Художник открыл дверь, будто бы выпихнул Ганю наружу, а сам скрылся внутри помещения.

–Подходи, не бойся. – послышалось о куда-то из-за спины Гани. Он осмотрел, медленно обернулся. Оказывается, Художник вывел его на небольшую оборудованную площадку на крыше дома. Было уже темно, и плохо видно, так что человека, что звал его, Ганя рассмотреть не мог. Он подошёл

ближе к тому месту, где стоял незнакомец. В свою очередь тот не произносил ни слова. Он стоял и смотрел вниз, сквозь стеклянный потолок, на танцующих внизу в зале людей. Гане и в голову не могло прийти, что дом имеет так много диковинок. Пока он помогал графу с украшением залы, он сотню раз смотрел на потолок, но никак не мог подумать, что он прозрачный. Изнутри не было видно ровным счётом ничего. Ганя стал рядом с незнакомцем, опёрся о небольшой заборчик и тоже заглянул вниз. Дамы кружилась, их платья развивались, раскрывались, похожие на цветы, разбросанные по поляне. Цветы разные, тонкие или наоборот широкие, любого цвета и по-разному украшенные. Это выглядело особенно завораживающе теперь, когда, стоя на морозце ты мог наблюдать всё это не обыкновение.

– Моя собственная теплица, – человек стоящий рядом, подтвердил сравнение Гани, и по голосу, да и теперь в свете зала можно было его узнать, Ганя понял, что тут стоит сам Граф. Он был в такой же шубе, но немного грустный.

– Ты тут не по моей просьбе, прости. Я лишь хотел показать тебе это, чтобы скрасить ожидание. – он повернулся, посмотрел на Ганю.

– Но кого же мне ждать?

– Сам всё увидишь. Не думаю, что осталось долго. Этот человек очень хотел с тобой поговорить и именно что наедине.

– Не мой ли это благодетель, что выторговал мне звание? –

поинтересовался Ганя.

– Нет – граф засмеялся, – по этой части твой благодетель я.

– Вы? – Ганя покраснел, хоть теперь этого и не было заметно.

– Я. Когда я узнал про инцидент и его завершение, я тут же послал прошение одному моему знакомому. Не надо, я не кичусь этим – предупредил он, заметив намерен я Гани выразить свою благодарность. – Просто вы хороший человек, и я понял это ещё при нашей первой встрече. Только ваше сердце открыло вам привилегию так свободно общаться со мной, и разгуливать по моему дому. – он взял Ганю под руку, подвёл к противоположному краю крыши, которая так же была заботливо огорожена.

– Смотрите же, – он сделал рукой широкий жест, и действительно, только теперь Ганя увидел, как прекрасно отсюда выглядит город. В этой темноте он светился и переливался. Горели лампы и свечи в окнах домов, светились вывески на улицах, сияли фонари экипажей и карет, и всё это, будто бы огромный корабль выступало из ночной дымки.

– Вы видите это, – спросил Граф?

– Вижу – заморожено произнёс Ганя.

– Вот и славно. Не забудете этого, а теперь, прощайте.

Ганя не смог ответить или даже оторвать взгляд. Он очнулся только когда услышал, как хлопнула дверь. Что за чудесный человек был этот граф. Вот уж настоящий волшеб-

ник. Чем он жил, что видел во снах, чем занимался, кто может представить? Но он видел важное, и важное это показывал всем остальным. Он смотрел прямо в суть, видел там красоту, видел там гармонию и Ганя, растерянный Ганя оставшись один на крыше не мог не испытать величайшего уважения к нему.

Один, теперь один на чужой крыше, ожидающий невесть кого. Кто он, и что тут делает? Теперь это было совсем непонятно. Ганя ещё немного посмотрел на город, потом подошёл к стеклянной крыше, постоял, опершись на ограду, глядя в зал и пытаясь угадать там знакомых, наконец, уже собрался уходить, так как полностью промёрз, несмотря на тёплую шубу, когда дверь распахнулась. Это была она, без сомнений она. Даже в шубе, Ганя увидел её прекрасную талию, её стройные руки. Ольга подошла, молча смотрела на него, с расстояния в шаг, живыми её быстрыми глазами, которые способны были заглянуть прямо в душу, и внезапно она бросилась к нему в объятия. Обняла его за шею, так же как генерала, но по-своему, ближе, гораздо ближе и за шептала ему на ухо "Прости" тысячу раз она повторила этого, потом отпрянула на полшага, всё ещё держа его за руки.

– Я не знала, что со мной происходит сегодня, прости. Наверное, и граф подтвердит, я не такая, я не такая обычно. Когда я увидела тебя утром, смешного и задумчивого, я сама растерялась и... – Ольга была моложе его. Немного, но только сейчас он смог это заметить. Может из-за её красоты,

может из-за ситуации, но сейчас он наверняка понимал, что она молода, и смелее, да ещё насколько смелее. Теперь Ольга молчала. Она ждала и смотрела прямо ему в глаза.

– Я знаю, я тоже растерялся. И ты меня прости, что не сказал тебе...

– Чего?

– Чего-то важного.

– Скажи теперь. – она не отпускала его. Ожидаяще глядя, пытаюсь заглянуть в самые потаенные уголки его души.

– Ты для меня всё... – он всё-таки решился на объяснение, но развить мысль не успел. За спиной Ольги прозвучал выстрел, потом ещё и ещё. Что было это? Они побежали к краю крыши, и так и остановились, там держась за руки, и глядя как над городом раздавались один за одним взрывы, и как полыхало небо. Выстрелы звучали безостановочно, люди кричали и поздравляли друг друга.

– С новым годом – прошептала она, и поцеловала Ганю в щёку.

– С новым.... Как уже?

– Уже, – засмеялась она. Ганя тоже засмеялся.

– А я думал, что зав.... Уже. – и он поднял её над собой, закружил, засмеялся. Наконец поставил перед собой, и теперь уверенно без стеснения посмотрел на неё.

– С новым годом!

И тут же море искр, похожих на конфетти, падающие с неба, разлилось прямо над ними.